О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации Оксаны Васильевны Иванченко **«Трансформация низовых практик взаимопомощи в контексте развития неформальной и формальной экономики танзанийского мегаполиса»**, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности: 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

Диссертационное исследование посвящено чрезвычайно важной теме – исследованию низовых практик взаимопомощи в танзанийских городах. Проблематика вернакулярных, народных, лишь частично регламентированных (а иногда и вовсе не регламентированных) государством практик экономической поддержки друг друга городскими жителями Танзании вписывается в целый ряд современных направлений этнографических или антропологических исследований: исследования по экономической антропологии, в частности современных исследований «вернакулярного капитализма» (М. О'Салливан, К. Упадхья), «низовой экономики» (Д. Джеймс, Э. Халл) или отчасти критики капитализма (М. Каллон, Д. Гребер).

Одновременно это исследование может рассматриваться через призму городской и сельской антропологии и фиксации форм взаимопомощи, уходящих корнями в деревенскую жизнь, однако получившими окончательное оформление именно в городском пространстве. Также, тема имеет ярко выраженную этническую составляющую, поскольку «племенной принадлежности», как показывает автор, придается большое значение при вступлении человека в описываемые ротационные ассоциации кредитования. Все эти аспекты подчеркивают научную значимость и актуальность диссертационной работы.

Текст основывается на многолетнем полевом исследовании, проводившимся с 2011 по 2023 гг., которое включало как выезды в Танзанию и работу непосредственно в поле, так и кибер-этнографическое исследование, призванное уточнить собранные во время выездов данные. Лонгитюдность исследования весьма важно подчеркнуть, поскольку оно основывается на многолетнем взаимодействии с респондентами, и общением в формальной и неформальной обстановке, что позволяет не только получить синхронный срез, но и обнаружить диахронную перспективу. Также важно отметить, что автор знакома с языком суахили. Кроме того, проведена серия экспертных интервью с сотрудниками Университета Дар-эс-Салама, которые дополняют материалы собранные в *усуахилини* Дар-эс-Салама, Багамойо, Аруши и Занзибара.

Сбор материалов проводился методом анкетирования, хотя, как отмечает сама автор, часто в ходе бесед с опрашиваемыми вопросы выходили за узкую тематику анкеты (С. 14), кроме того, анкета на протяжении 12 лет исследования дополнялась новыми вопросами, что свидетельствует о включенности исследователя в проблемы изучаемого сообщества и о высоком качестве собранного материала. Все приведенные характеристики полевого сбора данных демонстрируют высокую степень достоверности исследования и, соответственно, выводов автора.

Чрезвычайно интересно, что 5 вариантов вопросников помещено в качестве приложения к работе, что позволит в дальнейшем использовать саму работу как источник по истории этнографии и истории методик полевых исследований.

Предмет и объект исследования сформулированы точно и грамотно. Задачи исследования соответствую основной цели и убедительно раскрывают ее ключевые аспекты. Хронологические и географические рамки – четко обозначены. Основные положения исследования четко коррелируют с содержанием диссертации и соответствуют поставленным задачам.

Все необходимые и приведенные выше параметры исследования отражены во введении к работе.

В первой главе «Обзор литературы», к сожалению весьма кратком, дается характеристика основных исследований низовых форм взаимопомощи, вводится понятие РОСКА (русифицированный вариант англоязычной аббревиатуры – Rotating Savings and Credit Association, переводимое автором как Ротационная ассоциация кредитования и сбережений; С. 25). Чрезвычайно важно, что в историографический обзор попали не только работы западных антропологов и экономистов (К. Гирца, Ш. Арденера, К. Харта, Ф. Боумана, М. Малкамаки), но и африканских, преимущественно танзанийских, исследователей (М. Нданшау, М. Багачвы, П. Кимуйю и др.)

Вторая глава «Место проведения исследований, методы и объекты исследования» содержит общие – географические, демографические и экономические – сведения об Объединенной Республике Танзания, а также подробный очерки истории Дар-эс-Салама, с акцентом на формирование *усуахилини* (беднейших кварталов), и подробное описание полевого исследования. Автор отмечает преобладание женщин среди исследуемых: 80 из 135 опрошенных, приводит таблицу (С. 49-54), в которой указаны пол, этническая/племенная группа, возраст, вид сообщества/группы, в котором/которой человек состоит, и район, где человек проживает. Все имена опрашиваемых оказываются скрыты, что абсолютно правильно с точки зрения этики этнографического исследования. Также в заключительной части главы описываются ключевые формы групп взаимопомощи – *куфа-на-кузикана*, *мчезо*, *упату*, *викоба* и дается объяснение этих названий.

В третьей главе – «Результаты исследования», наиболее интересной, подробной и аналитической – рассматриваются группы взаимопомощи, их специфика, дается анализ ключевых факторов в функционировании сообществ: этнического/племенного, государственного, сензитивного (проблема доверия), гендерного и информационного. Так, анализируя влияние доверие между членами ассоциаций взаимопомощи автор отмечает ряд

чрезвычайно интересных моментов. Например, что «переписывая имущество» нового члена и подписывая документы о том, что вступающий несет ответственность личным имуществом (С. 91-92) фактически ассоциация берет на себя функцию государства и пытается осуществлять правоохранительную деятельность.

В диссертации чрезвычайно ценно то, что автором демонстрируется социальная жизнь этих групп взаимопомощи и трансформация их функций. Она констатирует, что после 2015 г. усилился государственный контроль за ассоциациями, который выражается в выталкивании ассоциаций из серой зоны в правовое поле, а также в создании цифровой альтернативы для ассоциаций взаимного кредитования (сервис М-Коба; С. 117-120). Этот факт чрезвычайно важен, поскольку низовые традиции часто на проверку оказываются «спустившимися» практиками более высоких слоев общества или государственными установлениями прошлых лет. Внимание к государственному фактору в процессе трансформации ассоциаций чрезвычайно важно.

Заключение работы суммирует наиболее важные результаты исследования. Автор детализирует историю появления ассоциаций, указывает отличия ассоциаций *куфа-на кузикана*, *мчезо/упата* и *викоба*, которые все больше и больше стираются, а сами ассоциации становятся похожими друг на друга. Автор пишет, что ассоциации взаимопомощи становятся новыми формами городской социальности в Танзании, при этом неформальные группы сохраняют для большинства людей большую привлекательность нежели легальные и зарегистрированные государством. Нередко конкретные практики поведения в ассоциации возрождают «традиции определенной народности» (С. 140).

Таким образом, можно отметить очень высокий уровень проведенного исследования. Вместе с тем, есть ряд моментов, которые, как мне кажется, можно было бы дополнить, добавив важные для исследования сравнительные данные.

1. Во Введении, описывая общую проблематику исследования, автор ссылается на российский опыт, приводя в качестве примеров кассы взаимопомощи Российской Империи и Советского Союза (С. 5-6). Следует добавить к этому, что российский ученый-аграрники А.В. Чаянов был основоположником идеи «крестьянской кооперации», которая затем легла в основу советской райпотребкооперации. Эти объединения представляли из себя группы, создаваемые для совместной покупки вещей, закупки продуктов по более низким оптовым ценам и т.д. Кредитная кооперация, по Чаянову – организация коллективов собирающих взносы и на их основе формирующие микроссуды – весьма близка к *мчезо/упату* или *викоба*. Более того, ассоциации *викоба*, созданные по инициативе танзанийской правящей Революционной партии (Chama cha Mapinduzi; С. 76), как и советские кооперативы – результат деятельности социалистических политических сил.

В кредитном кооперативе (по А.В. Чаянову) для выдачи кредитов используются средства членов кооператива, кредиты обычно имеют малый размер, организация действует в ограниченном районе, а руководство действует на общественных началах, не получая заработной платы. В тексте диссертации не говорится, получают ли зарплату председатель, секретарь, бухгалтер, которые составляют наиболее типичную «администрацию» таких ассоциаций. Однако оставшиеся черты однозначно сближают кредитную кооперацию и ассоциацию типа *викоба*.

2. Еще один интересный момент касается сравнения РОСКА с традиционными формами взаимопомощи. В России до 1861 года, когда государством была установлена система разверстки земель, существовала форма уравнительного распределения повинностей – рекрутской, дорожной – а также форма пользования рыболовными угодьями «по чередам» – по очереди. Поочередной пользование переводится на английский «rotational use». Иными словами РОСКА – это ассоциация пользования кредитам и сбережениями по очереди, что также поставить эти формы взаимопомощи

в более широкий культурный контекст, не только африканский и не только постколониальный.

3. Продолжая линию сравнения РОСКА с традиционными формами взаимопомощи, чрезвычайно интересным для дальнейших рассуждений мог бы стать раздел 3.10. «Кооперация вне групп взаимопомощи: свадьбы и "народная полиция"». Автор демонстрирует, что в отличие от формальных ассоциаций *куфа-на-кузикана*, что дословно переводится с суахили «умереть и быть похороненным», есть нерегламентированные, неформализованные группы, которые помогают организовывать свадьбы.

В этнографии распространено мнение, что похоронные ритуалы гораздо более консервативны, чем остальные формы обрядовой жизни. Очевидно, что в деревнях, откуда приезжают жители *усуахилини* нет формализованных ассоциаций типа РОСКА. Но пример с *куфа-на-кузикана* и неформальными группами поддержки свадеб показывает, что похоронная обрядность в городах оказывается более формализованной в форме ассоциаций с уставами, председателями, документацией, а свадьбы организуются неформальными группами. Это чрезвычайно интересный вопрос, который автор не комментирует отдельно.

Было бы интересно узнать, возможно ли – не противоречит ли это местной культуре – раздавать оповещения о похоронах, подобно тому, как соседям раздаются приглашения на свадьбу? Почему, не принято – как это делается во многих других городах и деревнях – помогать без просьбы соседям, которых постигло горе? Почему именно похоронные траты принято компенсировать с помощью *куфа-на-кузикана*, а свадебные – через неформальные сети? На мой взгляд, рассуждения на все эти темы существенно дополнили бы позиционирование и контекстуализацию ассоциаций взаимопомощи.

4. В диссертации, на мой взгляд, можно было бы добавить уточнений и объяснений для исследователей близко не знакомых с танзанийским полем. Например, в Таблица 3. Район/Город проживания респондента, в одном

столбце даются как названия городов (Аруша, Багамойо, Дар-эс-Салам), так и названия районов (Гонго-ла-Мбото, Кигамбони, Манзесе, Мбагала), что затрудняет чтение ее содержания.

Также в работе, несмотря на наличие замечательных иллюстраций – одновременно информативных и очень красивых – не хватает топографических данных, например, расположения районов *усуахилини* в Дар-эс-Саламе. Более того, в схожем исследовании беднейших районов Кейптауна Д. А. Зеленова и В. В. Кручинский предлагают ряд схем, которые дополняют текстовую информацию и позволяют лучше понять логику жизни в таких кварталах. Возможно, топографическая фиксация мест проживания членов ассоциаций взаимопомощи также даст исследователю и читателям дополнительную важную информацию.

5. В работе хотя и весьма редко, но встречаются опечатки и просторечия. Например, на С. 35 в первом подзаголовке второй главы «Место исследований: Танзания, общие сведенья»: лучше использовать литературный вариант – «сведения».

Все указанные недочеты и варианты углубления темы не снижают общей высокой оценки работы и скорее могут быть использованы в ходе переработки текста диссертации в монографию и при проведении дальнейших исследований.

Оформление диссертационного исследования и автореферате соответствует требованиями ГОСТ. Содержание автореферата точно отражает текст и выводы диссертации.

Результаты исследовательской деятельности авторы представлены в многочисленных публикациях и докладах на конференциях и конгрессах международного и всероссийского уровней. Ключевые выводы диссертации были апробированы в 8 работах, из которых три опубликованы в изданиях (в том числе англоязычных), рекомендованных ВАК РФ и индексируемых в международных базах Web of Science и Scopus.

Диссертация «Трансформация низовых практик взаимопомощи в контексте развития неформальной и формальной экономики танзанийского мегаполиса» по объему исследования, научной новизне, обоснованности выводов полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание степени кандидата исторических наук и соответствует требованиям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842). Работа полностью соответствует Паспорту специальности 5.6.4. – этнология, антропология и этнография (исторические науки). Ее автор, Иванченко Оксаны Васильевна, показала себя как самостоятельный, вдумчивый, целеустремленный исследователь и заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. – этнология, антропология, этнография (исторические науки).

Туторский Андрей Владимирович,
Кандидат исторических наук,
Доцент кафедры этнологии
Исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

30.09.2026

Подпись А. В. Туторского
заверяю

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; тел.: +7 (495) 939-10-00; эл. адрес: info@rector.msu.ru.